

НЕ ПОКЛОНИТЬСЯ ТЕМ, КТО ВЫЖИЛ,
ВЫРВАЛСЯ И РАССКАЗАЛ СЛЕДУЮЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ
ОБ ЭТОМ ПОДВИГЕ, ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО

КОНСТАНТИН
ХАБЕНСКИЙ

СОБИБОР

ВОССТАНИЕ В ЛАГЕРЕ СМЕРТИ

Иван Беркутов

**Собибор. Восстание
в лагере смерти**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Беркутов И.

Собибор. Восстание в лагере смерти / И. Беркутов — «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-092377-9

Это книга о силе человеческого духа, который невозможное сделал реальным. Это рассказ о побеге из безвыходного пространства, о победе добра над злом, стремлении к жизни и свободе – над бесчеловечным механизмом машины уничтожения. Это история о единственном за все время Второй мировой войны успешном восстании узников нацистского концлагеря. Это роман о восстании в лагере смерти Собибор в 1943 году, организованном Александром Печерским (1909–1990) – советским офицером и всемирным героем.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092377-9

© Беркутов И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Беркутов

Собибор. Восстание в лагере смерти

© Беркутов И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Александр Печерский был истинным героем. Организованное им восстание в нацистском лагере смерти Собибор стало символом человеческого духа, готовности даже на краю бездны противостоять мировому злу. Символично и то, что единственным успешным массовым побегом из концлагеря руководил советский офицер – наш Александр Печерский.

После побега из лагеря смерти он прошел Белоруссию партизанскими тропами, потом – как офицер, попавший в плен, – воевал в штурмовом батальоне, был ранен. А после войны – незаметная жизнь в Ростове-на-Дону, работа на разных предприятиях.

Подвиг Печерского и его товарищей не был забыт, но и не получил тогда должного признания. Однако никто из тех, кто знал Печерского, не помнит его озлобленным, обиженным или раздраженным. Он знал, что его долг – сделать так, чтобы мир узнал правду о Собиборе, чтобы герои были награждены, а преступники не ушли от ответа. И вся его послевоенная жизнь представляет собой пример беззаветного служения. Десятки лет Печерский разыскивал боевых товарищей и бывших узников Собибора, помогал им, чем мог, давал показания на процессах против нацистских преступников и их пособников, писал статьи в газеты, выступал на самых разных площадках.

И при этом – испытывал чувство вины. Он, спасший десятки людей, мучился из-за того, что не смог спасти остальных: голландскую девушку Люку, с которой познакомился в лагере, трехлетнюю девочку, которую держал на руках в эшелоне, ехавшем в Собибор, и которая по прибытии туда сразу была отправлена в газовую камеру...

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Хрестоматийные строки Александра Твардовского словно бы о Печерском.

Он был очень светлым и скромным человеком: любящим мужем, хорошим отцом и дедом, настоящим другом. Никогда не требовал ничего для себя лично, не пытался навязать свою историю окружающим. Зачастую люди, общавшиеся с ним, не знали о его героическом прошлом. А его подвиг и его пример особенно важен в наше время, когда массовая культура постоянно навязывает в качестве образца для подражания агрессивного, самовлюбленного, наглого супергероя.

Фильм «Собибор» дает совсем другой образ. Появление на экране такого героя – настоящего и при этом безоговорочно положительного, с которого действительно хочется «делать жизнь», – представляется мне событием значимым. Надеюсь, читатели этой книги и зрители фильма «Собибор» со мной согласятся.

* * *

Министр культуры Российской Федерации
В.Р. Мединский

Октябрь 1943 года. Красная армия, одержав победу в битве под Прохоровкой, уничтожив немецкие дивизии в районе Курска, быстро продвигается на запад. На другом краю Европы высадившиеся в Сицилии американские дивизии освобождают города южной Италии, приближаются к Риму. По всей Европе, оккупированной нацистами, набирает силу партизанское движение. А в глухом уголке восточной Польши, в странном поселке, состоящем из унылых барачных, окруженных колючей проволокой, встретились мужчина и девушка.

Девушку звали Люка. Она была молода и привлекательна; на улице на нее многие оглядывались. Впрочем, это было не здесь – в той, прошлой жизни. Та жизнь кончилась навсегда. Люка приехала сюда из Южной Германии, где родилась и жила до последнего времени. И платье на ней было немецкое, сшитое по моде; правда, сильно поношенное.

А мужчину звали Александр Печерский. Суровое лицо с жесткими чертами, твердый взгляд – все говорило о том, что он немало видел и пережил. Это было лицо человека с характером таким же твердым, как его взгляд. Он был из Ростова, и он был военный – лейтенант Советской армии. Об этом говорила его потрепанная гимнастерка.

Они зашли за барак, где их никто не мог увидеть, сели на доски. Люка пылливо взглянула на Александра и сказала:

– Не знаю, что у тебя в голове, но ты стал другой. Это плохо.

Она говорила по-немецки. Это был единственный язык, на котором они могли общаться, понимать друг друга. Люка знала идиш – но его не знал Александр. А родным языком Печерского был русский. И только язык врага, это проклятое наречие служило мостом, на котором они могли встретиться. Хрупкий, ненадежный мост – но другого у них не было.

Услышав слова Люки, лейтенант вздрогнул, растерянно взглянул на нее. Она угадала! Да, за последние два дня он стал другой. Он больше не знал, что делать, он не руководил людьми. Из него словно вынули стержень. И, конечно, это было плохо. Куда уж хуже! А ведь его товарищи верили в него, ждали от него помощи.

Александр промолчал. Он ждал, что будет. И дождался: Люка повернулась к нему и стала нежно гладить его лицо. Это было так неожиданно! Ведь они встречались всего второй раз! Почти не разговаривали. Так неожиданно – и так приятно! Он сам не заметил, как взял ее руку, прижал ее к губам... И тут вдруг тот нарыв, что копился в его душе, прорвался, и он заговорил – заговорил по-русски, не надеясь, что она поймет, но стремясь выговориться хоть кому-то:

– Они ждут от меня чудес! Лео называет меня новым Моисеем, который выведет их из рабства. Но я не Моисей! И я не верю в Бога и не умею творить чудеса. Тогда, в Минске, я рискнул, пошел напролом, понадеялся на счастливый случай. В результате погибли люди. Я больше не могу этого допустить. Я больше не буду рисковать. Но ведь что-то нужно делать! Что? Что?

Люка молча слушала звуки чужой, непонятной речи, в которой даже знакомое ей имя «Моисей» звучало не так, как она привыкла. И вдруг рассмеялась. А затем прильнула к нему и поцеловала. Отодвинулась на миг, пылливо взглянула в глаза: так хорошо? так надо? – и снова прильнула к нему в долгий поцелуй. Потом вдруг отодвинулась, села рядом, как будто ничего и не было. Было заметно, что она смущена. Заговорила, волнуясь:

– Ты, наверно, заметил, что я целуюсь с открытыми глазами? Заметил, просто не спрашиваешь, почему. Да, я не могу закрыть глаза, и это ужасно. Не могу закрыть, и все! Как закрою – передо мной сразу толпы голых людей, идущих в печь. А я стою рядом, у забора, со своими

кроликами, и не могу крикнуть им: «Стойте!» Не могу, боюсь. Потому что знаю – после этого меня убьют. Я ведь откармливаю кроликов для немцев, поэтому еще живу. Ты ведь не знал об этом, правда? Саша, я не могу закрыть глаза – как я буду целоваться? И ведь это на всю жизнь, это теперь всю жизнь со мной будет, понимаешь?!

Солнце совсем скрылось за чертой горизонта, стало быстро темнеть. Им пора было прекращать свидание – скоро должно было наступить время, когда заключенным не разрешалось находиться за пределами своих бараков.

Да, заключенным – потому что и Люка, и Александр были заключенными нацистского лагеря смерти. А еще они оба были евреями. Именно поэтому они, выросшие в разных странах, в противоположных частях Европы, встретились здесь.

Закатное солнце озарило последним сиянием крыши бараков, деревья окружавшего лагерь леса. Озарило – и потухло. Золотистый солнечный блик ненадолго задержался на лагерьной вывеске, что поднималась выше крыши, даже выше лагерных вышек. На этой вывеске было написано: «Собибор». В том году это название узнали люди из самых разных частей Европы. Самых разных...

Глава 1

Стоял в Голландии, на берегу моря, город Роттердам. Солидный торговый город. И в самом центре города жили две еврейские семьи, такие же солидные, как и сам Роттердам. Это были не простые евреи – не шорники, или сапожники, или мелкие торговцы. Да простые евреи и не жили в центре, вблизи ратуши. Такой простой люд теснился на окраинах, в маленьких домишках по берегам каналов. А те семьи, о которых мы хотим рассказать, с давних времен занимались ювелирным делом. А ювелиры, как известно, бедными не бывают.

Члены одной семьи носили фамилию Штайн, а другой – Френкель. Штайны и Френкели дружили меж собою, вместе встречали еврейскую Пасху и другие праздники, и юноши одной семьи иногда брали себе невест из соседней.

И так случилось, что в один и тот же день 1915 года по христианскому календарю в обеих семьях родились мальчики. На восьмой день по рождению, согласно предписанию Торы, оба ребенка были обрезаны и получили свои имена. Одного назвали Аксель Штайн, а другого – Якоб Френкель. Поскольку семьи были дружны между собой, то мальчики росли вместе, вместе ходили в школу, вместе играли, вместе учились ремеслу своих предков – этому лучшему в мире ремеслу, которое всегда даст достаток тому, кто им владеет.

Однако, хотя дети росли в сходных условиях, с самых малых лет выявилось, что они совсем разные. Аксель рос веселым, задорным, даже немного буйным. Никакого сладу с ним не было! Он был заводилой во всех играх и проказах. И совсем другой характер был у Якоба. Он был мальчиком тихим, даже робким – хотя в драке вполне мог постоять за себя. Еще Якоб был очень настойчивым и целеустремленным.

Акселю все давалось легко, будто играючи – и учеба, и овладение навыками ремесла. А к этим навыкам его стали приучать с детства. Когда же Аксель подрос, у него легко пошли знакомства с девочками. Можно сказать, ни одна девочка в округе не могла устоять перед балагуром и весельчаком Акселем – высоким, стройным, красивым.

Все думали, что когда настанет время жениться, Аксель непременно выберет себе в жены писаную красавицу. Но случилось иначе: он сошелся с такой же веселой простушкой Магдой. Ему был 21 год, когда они сыграли свадьбу.

С Якобом все обстояло сложнее. Он с трудом знакомился с девушками, робел перед ними. И при этом полюбил самую красивую девушку в их районе – красавицу Ханну. А она, можно сказать, даже не глядела в его сторону. Казалось, страсть Якоба так и останется мечтой – вроде тех случаев, когда подростки влюбляются в актрис или красивых дам, живущих по соседству. Однако Якоб был упорен и настойчив. Преодолев свою робость, он стал ухаживать за Ханной по всем правилам. Он закончил школу как первый ученик. И в ремесле он сравнялся с Акселем, а кое в чем и опередил товарища. И когда Аксель, уже женатый, решил создать собственное предприятие и подыскивал себе компаньона, он ни минуты не сомневался, кто должен стать этим компаньоном – разумеется, Якоб!

И вот выяснилось, что Якоб, несмотря на его скромную внешность и некоторую робость, является завидным женихом. Он был умен, он крепко стоял на ногах, отличался верностью... Чего еще нужно девушке? К тому же нужно учесть, что семья Ханны была совсем не богата. Короче говоря, прошел всего год после свадьбы Акселя и Магды, и состоялась другая свадьба – Якоба и Ханны.

Две молодые пары поселились по соседству. Они часто встречались, много времени проводили вместе. И вскоре выяснилось, что Аксель и Ханна нравятся друг другу. Они любили вместе танцевать; на прогулках, когда катались на лодках или гуляли, они, словно невзначай, касались друг друга... Но до поры до времени дальше этого отношения между ними не заходили. Они не торопили события.

Так они жили, легко и весело. Детей не было ни в той семье, ни в другой. В одной семье этому противился Аксель – он хотел пожить в свое удовольствие. В другой против была Ханна. Она никак не объясняла свое нежелание – просто не хотела ребенка, и все.

Вот так они и жили, весело и счастливо, в свое удовольствие. И думали, что и дальше смогут продолжать прежнюю, привычную жизнь. Однако прошло два года, и в их жизни произошла катастрофа. И не только в их жизни – сломалась, покатила в пропасть жизнь миллионов людей. Но они это не сразу заметили. Ведь та катастрофа была какая-то беззвучная, громко о себе не заявляла. Так что на нее не сразу обратили внимание. Во всяком случае, Аксель, Якоб, Магда и Ханна точно не обратили...

В сентябре 1939 года немцы вторглись в Польшу, началась мировая война. Однако жителей Голландии война на первых порах вовсе не коснулась – она шла где-то далеко. Но при этом некоторые евреи, самые предусмотрительные, начали по какой-то причине покидать страну. Они уезжали во Францию или еще дальше – в Америку. Когда их спрашивали о причине отъезда (а ведь на такой отъезд надо было потратить много денег, изменить привычную жизнь, разорвать все связи!), они отвечали, что в Голландии оставаться опасно – Германия совсем близко. А в Германии евреев преследуют, всячески над ними издеваются, отнимают все имущество, запрещают работать вместе с немцами, жить на центральных улицах, а некоторых посылают в концлагеря. Так зачем ждать, пока эти германские порядки придут в тихую Голландию? Лучше приложить усилия и отправиться подальше, куда господин Гитлер не сможет ступить кованым сапогом своих солдат.

Впрочем, Аксель считал таких предусмотрительных людей паникерами. Сам он уезжать никуда не собирался. Ну, а Якоб брал с него пример – как во всем другом.

Разумеется, Аксель и Якоб слышали о так называемой «Хрустальной ночи» – чудовищном еврейском погроме в Германии в ночь на 10 ноября 1938 года. Десятки евреев погибли, тысячи были отправлены в концлагеря. Мостовые немецких городов были усеяны осколками стекла из разбитых окон и витрин еврейских магазинов и контор – отсюда и название «Хрустальная ночь». Но Аксель считал, что не стоит придавать значение всего одному погрому. И потом, слухи о жертвах могли быть преувеличены...

Да, в газетах писали и о том, что в Германии приняты специальные законы против евреев – Нюрнбергские законы. Им запрещалось заниматься адвокатской практикой, медициной, банковским делом, писать книги, преподавать, работать в газетах, держать аптеки... В общем, были запрещены все занятия, наиболее популярные у еврейского населения страны. Нацисты в то время еще не решили физически уничтожить всех евреев – они хотели выдавить их из Германии, а лучше – вообще из Европы. В умах нацистских руководителей даже созрел план выселить всех европейских евреев на остров Мадагаскар! Правда, по ряду причин этот план не осуществился.

Все это обсуждалось на страницах голландских газет. Однако Аксель не читал газет и не интересовался политикой. Он считал всю политику чушью, которая не должна интересовать таких практичных людей, как он сам и его друг Якоб. И уж тем более все эти страхи, описываемые в газетах, не должны интересовать их милых жен. Нет, они живут своей жизнью, которая протекает вдали от всякого рода расовых теорий и германских законов. И так они будут жить всегда!

Однако в мае 1940-го война пришла и в Голландию. Немцы в течение нескольких дней захватили всю страну, двинулись дальше – во Францию. Улицы городов теперь патрулировали немецкие солдаты.

Аксель после оккупации страны вначале испугался и даже думал нанять лодку и бежать на ней в Англию – так делали некоторые. Но прошло несколько дней, и он решил, что спешить не стоит. Ведь для евреев ничего страшного вроде не произошло. Их никто не трогал, не гонял с насиженных мест. Правда, немцы прошли по всем домам и всех евреев внесли в

особые списки – всех, до последнего старика и только что рожденного малыша. Ну, и что тут такого? Внесли и внесли. Жизнь какой была, такой и осталась. И Аксель снова мог смеяться над паникерами, которые поспешили уехать. Он заявлял, что ни с ним, ни с его женой, ни с его другом Якобом ничего и не может случиться. Ведь Аксель и Якоб были ювелирами. Ювелиры всегда жили хорошо, они и сейчас не бедствовали. Им разрешили остаться на прежних квартирах, работать в своих мастерских. Новые хозяева Европы, немцы, так же нуждались в дорогих украшениях, как и голландцы. И они охотно давали заказы Акселю и Якобу. Их жизнь шла, как прежде.

Однако весной 1942-го режим в отношении евреев ужесточился. Их положение изменилось. Всем приказали нашить на одежду желтые знаки – «звезду Давида». Без этой отметки нельзя было появляться на улице – тебя сразу мог задержать патруль. В целом можно было сказать, что евреи превратились в людей второго сорта. Точнее, третьего: вторым сортом шли голландцы и французы. Голландцы, хотя и потеряли свой суверенитет, могли жить, как прежде. А вот избранный народ Божий, наследники царя Давида стали проклятыми.

Теперь стало ясно, что беглецы, те, кто покинул Европу до прихода нацистов, были правы. Теперь уже все говорили о том, как хорошо было бы заранее уехать. Жили бы сейчас где-нибудь в Нью-Йорке и горя не знали. Да, теперь Аксель и Якоб, а также их жены пожалели, что не последовали примеру некоторых соседей и не преодолели каких-то двести с небольшим километров, отделявших Роттердам от британского берега. Но что толку горевать, тосковать о том, что могло бы быть?

С лета 1942 года немцы начали грузить евреев в вагоны и куда-то везти. Куда? Этого никто не знал. На улицах то и дело происходили облавы – ловили тех, кто не явился в указанный час на вокзал. И настал день, когда Акселю и Якобу тоже пришло время уезжать. К ним домой явилась полиция и приказала им и их женам срочно собраться и явиться на вокзал. Надо признать, что в этот момент Аксель порядком струхнул. Даже его, весельчака и балагура, покинул природный оптимизм. Что с ними будет? Куда их повезут?

Глава 2

И вот они, все четверо, собрались на вокзале. Там им сообщили, что их вывезут куда-то на восток. Куда – не говорили. Повели на перрон. Здесь их ждал поезд – обычный пассажирский поезд, вроде тех, что ходили в Брюссель или Гамбург. Они с опаской оглядывались по сторонам. Но все выглядело совсем не страшно.

Да, эта поездка совсем не была похожа на отправку в концлагерь! Никакого сравнения! И зачем только их пугали в Роттердаме, рассказывали всякие ужасы? Ничего страшного в их путешествии не было. Они ехали в комфортабельном вагоне пассажирского поезда. Сидели вчетвером в отдельном купе. И даже пиво у них было – большая бутылка, которую Аксель прихватил на вокзале. Говорили, что где-то, в другом вагоне, ехала немецкая охрана. Но здесь ее не было, здесь они были свободны. И даже желтые звезды, нашитые у каждого на одежде, не выглядели как знак беды. Эти куски нарядной материи из хорошей ткани скорее выглядели как украшения.

Поезд миновал границу, и теперь они ехали по территории Германии, все дальше на восток.

– Как называется это место, куда нас везут? – спросила Ханна. – Я так и не запомнила название...

– Я помню, – откликнулась Магда. – Это где-то в Польше. Представляете, в Польше! Такая дыра! А местечко называется Собибор. Кажется, это недалеко от города Хелм. А еще я запомнила, что сразу по прибытии немцы отделяют жен от мужей...

– О, прощай, Магда, прощай, Ханна! – нарочито трагическим голосом произнес Аксель.

Магда, глядя на своего веселого мужа, тоже отбросила мрачные мысли и решила ему подыграть.

– Прощайте, Аксель и Якоб! – так же трагически произнесла она.

Глядя на них, красавица Ханна усмехнулась. И только Якоб не понимал этой шутки.

– Чему вы смеетесь? – спросил он. – Ведь мы ничего не знаем! Надолго ли нас разделят? Как там вообще все будет?

– Нас разделят на целых три дня! – все так же шутливо ответила Ханна. – Вот и проверим наши чувства.

– Да, это их немецкий порядок, – кивнула Магда. – Насчет порядка они сумасшедшие.

Однако Якоб не разделял их беспечности.

– Можно ли верить немцам? – спросил он.

Аксель покачал головой:

– Опять паникуешь! Какой у меня нервный компаньон! Якоб, мы будем работать, как всегда, и мы бессмертны.

– Это почему еще?

– Потому что мы ювелиры! – ответил Аксель, назидательно подняв палец. – А золото сильнее смерти.

– Держись его, он везучий, – посоветовала Магда Якобу, с любовью поглядывая на мужа. А Ханна сообщила:

– Немцам можно верить. Знаю это из личного опыта.

– У тебя был роман с немцем? – оторопел Якоб.

Ханна не ответила. А Аксель засмеялся:

– Самое время признаваться! Перед Собибором...

– Мне рассказывала моя подруга Милка, – сказала Магда, – что она бывала в Польше. В восточной ее части – как раз там, куда нас везут. Там кругом леса, деревень совсем мало. Лесной край...

– Вот и отлично! – заявил Аксель. – Будем жить в лесу, дышать чистым воздухом! Это будет полезно для твоих легких, Магда, а то в последнее время ты жаловалась на насморк. Здесь ты сможешь его вылечить.

– Но если тут одни польские деревни, где мы будем работать? – спросил Якоб. – Крестьянам не нужны бриллиантовые кольца, ожерелья, подвески... Единственное, на что хватает их скудных сбережений – это заказать колечко на свадьбу, да и то серебряное.

– Но ведь нас везут не в польскую деревню, а в немецкий лагерь! – Аксель вновь назидательно поднял палец. – Там будет достаточно немецкого начальства, всяких офицеров. А уж им точно нужны украшения для их подруг. Конечно, немцы скуповаты, не то что польские паны. Вот уж у кого полно гонору! Но времена панов, как и наших голландских торговцев, как видно, миновали навсегда. Теперь нам придется жить под немцами.

Потом он похлопал себя по тугому животу и сообщил, что пойдет в туалет. Едва он вышел, красавица Ханна сообщила, что устала сидеть на одном месте.

– Мы уже три часа томимся в этом душном купе, – пожаловалась она. – Сколько можно? Пойду, пройду по вагонам. Погляжу, что и как. Потом вам расскажу.

Якоб хотел возразить жене, но не решился. Он вообще робел перед своей красивой женой. Это в мастерской он был хозяин, мастер, там он знал, что и как делать. А дома царила Ханна. Она была такая красивая, такая недоступная... Якоб до сих пор не понимал, как она согласилась выйти за него замуж, что нашла в нем, таком обычном, невзрачном...

...Между тем Ханна проследовала мимо туалета, открыла дверь тамбура... Как она и думала, Аксель был там. Они взглянули друг на друга... и кинулись друг другу в объятия. Оба не сказали ни слова, но думали и чувствовали они одинаково. Настал их миг! Сколько можно откладывать? Ведь неизвестно, что на самом деле ждет их впереди. Пока что у них не было подходящего случая, чтобы начать свой роман. И вот теперь, по пути в неведомый Собибор, этот момент настал.

Конечно, это было неразумно. Крайне неразумно! В любой момент их могли разоблачить; дверь могла открыться, и в тамбур могли войти посторонние. Или не посторонние, а свои – Якоб или Магда. И это было бы еще хуже. Но угроза разоблачения делала их любовь еще более бурной.

Аксель впился в ее шею, его руки стискивали ее бедра; вот он задрал ей платье... Его ласки становились все более страстными; Ханна не сопротивлялась. Только обручальное кольцо стащила с пальца – для очистки совести.

– Сейчас я выбью из тебя немца... – прошептал Аксель ей в ухо.

Вагон дернулся, заскрежетал на стыках – они уже въезжали на станцию. Однако это не остановило Акселя. Ханна почувствовала, что партнер оказался внутри нее. Она застонала... А Акселю хотелось кричать; ему надо было дать выход рвущейся из него страсти.

– Немец, пошел вон! – закричал он, не сдерживаясь. – Вон!

– Он ушел! – отвечала Ханна между стонами. – Только ты, ты...

Поезд приближался к платформе, за окном уже виднелись лица тех, кто ждал его прибытия; стали слышны звуки оркестра. Уже можно было прочесть надпись «Собибор» на здании станции. Однако они оба не помнили, где находятся. Им не было никакого дела до окружающего. Они находились в своей собственной вселенной, рассчитанной только для двоих.

Поезд уже почти остановился. Однако Аксель еще не закончил, и он не собирался останавливаться.

– Немец, пошел вон, вон! – крикнул он в экстазе и распрямился. Конец... Последние стоны... Ханна торопливо надела на палец кольцо, поправила платье. Один за другим они покинули тамбур. Лицо Ханны снова приняло присущее ей надменное выражение.

Теперь она снова могла видеть окружающее. И она увидела маленькое станционное здание, перрон, на котором выстроилось два десятка полицейских в синих мундирах, с винтов-

ками в руках. Позади стоял оркестр, который играл одну веселую мелодию за другой. Тут же находились и хозяева, представители «расы господ» – трое немецких офицеров в мундирах мышиного цвета. Над зданием станции развевался нацистский флаг со свастикой. А дальше виднелись какие-то здания, окруженные колючей проволокой. «Значит, все-таки это лагерь, и тут совсем не санаторий», – подумала Ханна.

Впрочем, долго раздумывать было некогда: немцы поторапливали прибывших, просили их быстрее выходить из вагонов. Хотя никаких резких команд не было, все выглядело пристойно. К тому же Аксель, Якоб и Магда уже вышли и ждали ее на перроне. Ханна ступила на ступеньку вагона, и услужливый еврей в опрятном комбинезоне подал ей руку и помог выйти. «Как мило! – подумала она, поблагодарив мужчину кивком головы. – Давно мне никто не подавал руку. Разве что муж...»

Немцы строили вновь прибывших – мужчин отдельно, женщин и детей отдельно. Прежде чем стать в строй вместе со всеми, Ханна оглядела толпу прибывших. В купе они ехали одни, ни с кем не общались, не знали, кто едет в других купе, в других вагонах. Только теперь она оценила, как много их, оказывается, прибыло на этот маленький вокзал. И как много детей! Почти каждая женщина вела за руку ребенка; у некоторых было двое, трое детей. «Где же мы все поместимся? – подумала Ханна. – Кажется, тут не так много домов. Или есть другие, которых не видно с перрона?»

Тем временем один из немецких офицеров взял в руки мегафон. Его усиленный аппаратурой голос разнесся над толпой прибывших:

– Добро пожаловать в лагерь Собибор! Вы сможете здесь добросовестно работать и достойно жить в ожидании переселения на освобожденные рейхом земли.

«Ага, значит, мы здесь временно, – заключила Ханна. – Интересно, что это за освобожденные земли? Где-то в России, может быть? Но ведь кругом говорят, что русские наступают, земли, занятой немцами, все меньше...» Впрочем, думать было некогда – офицер говорил дальше:

– Просим вас правильно понять наши требования. Разделение мужчин и женщин – временное; просто в целях гигиены сейчас необходимо принять душ, во избежание эпидемии тифа...

«Какая чушь! – успела подумать Ханна. – Какой тиф? Все выглядят чистыми, опрятно одетыми... О чем он говорит?»

– А потом все встретятся! – продолжал офицер. – Сохраняйте ваши квитанции, чтобы без затруднений найти свой багаж для устройства в домах.

Стоявшая рядом с Ханной Магда прокомментировала выступление офицера:

– Немного занудный, но все по порядку, как мы и думали.

– О какой квитанции он говорил? – недоумевала Ханна.

Магда уже собиралась ответить, но ее опередил тот самый служащий в комбинезоне, который помог Ханне выйти из вагона:

– Вон квитанция на ваш багаж, мадам. Чемоданы получите чуть позже. Не волнуйтесь ни о чем, все будет в полной сохранности.

– Я и не волнуюсь, – ответила Ханна, и ее лицо приняло привычное надменное выражение. – Спасибо.

Между тем другой офицер – комендант так называемого Первого лагеря обершарфюрер Карл Френцель – в сопровождении автоматчика медленно двинулся вдоль строя вновь прибывших.

– Мастера есть? – громко спросил он. – Сапожники, плотники, кузнецы, шорники? Швеи, портнихи?

Акселя не требовалось приглашать дважды. Он быстро соображал, сразу понимал, где выгода, как нужно поступить. Он сделал шаг вперед и громко заявил:

– Я ювелир, господин офицер! И этот человек тоже, он мой компаньон! Якоб, не мямли, скажи! Мы хотим работать по специальности, господин офицер!

Якоб тоже шагнул вперед:

– Да, я ювелир. Вот кольцо, я его делал... обручальное кольцо моей жены. Ханна, покажи! Стоявшая неподалеку Ханна услышала слова мужа и подняла вверх руку с кольцом.

Комендант слегка улыбнулся на такую непосредственность и одобрительно кивнул мастерам:

– Отлично! Ювелирам найдется дело.

И двинулся дальше вдоль строя. Ему надо было отобрать из присланного человеческого материала все ценное. Не должно было пропасть ничто, что могло пригодиться Германии! Обрадованный Аксель хлопнул друга по плечу:

– Говорил же я: держись за меня, Якоб!

Офицер с мегафоном в руках вновь заговорил:

– Соблюдайте порядок! Сперва в душ идут женщины. Мастерские отходят в сторону, их поведут в душ потом.

Стоявшие вдоль перрона полицейские окружили женщин, велели им построиться по двое и повели прочь. Ханна с Магдой шли в хвосте колонны, их было хорошо видно, вплоть до момента, когда колонна вошла в ворота лагеря. Аксель и Якоб провожали жен взглядами.

– Не знал, что у нее был любовник, – с горечью произнес Якоб.

Он не знал и другой, более важной вещи: что он видит свою жену в последний раз...

Глава 3

Ханна узнала свою судьбу раньше Якоба. Когда колонна женщин вошла в ворота лагеря и свернула налево, к приземистому зданию с широкой трубой на крыше, офицер, командовавший колонной, остановил ее. Женщинам приказали раздеться догола и сложить одежду на специальные тележки. Когда кто-то попытался возразить, немец грубо прикрикнул на недовольных и пригрозил, что тех, кто не подчинится, будут бить и разденут насильно.

Всякая любезность из поведения охраны исчезла. Охранники нагло смотрели на раздевавшихся женщин, угрожающе поигрывая дубинками. Узникам ничего не оставалось, как подчиниться.

– Нет, это уже больше, чем просто немецкий порядок, – заметила Магда, которая по-прежнему старалась держаться поближе к Ханне. – Я о таком раньше даже не слышала.

– Но, может быть, все не так страшно? – сказала какая-то женщина рядом с ними. – Ведь они сказали, что нам надо пройти душевую. Значит, надо раздеться. Ну, а то, что они такие грубые... Что поделать, у них такая работа...

Ханна ничего на это не ответила. Она не знала, что и думать. По отдельности все, что происходило после отъезда из Роттердама, можно было объяснить и понять. Но когда она пыталась сложить все в целом, получалось нечто несуразное; кусочки не складывались в единую картину.

Но вот все женщины и дети разделись и сложили одежду на тележки. При этом Ханна заметила, что служащие в лагерных комбинезонах, которые принимали и складывали их одежду, вовсе не старались сохранить вещи каждой женщины отдельно. Наоборот, они тут же начали их сортировать – дорогие платья складывали в одну кучу, вещи попроще – в другую, детские вещи в третью... «Как же мы найдем наши вещи после душа? – подумала Ханна. – Или... или мы их больше не наденем? А взамен нам выдадут какие-то робы?»

Эта мысль была ужасна, но она постаралась не выказать страха. Когда немецкий офицер отдал приказ двигаться дальше, к душевой, она пошла с гордо поднятой головой, с привычным для нее надменным видом. Она не испытывала смущения оттого, что на нее пялились два десятка мужчин. Она считала, что не должна стесняться своего красивого тела. Что ее на самом деле стесняло – это присутствие множества детей, в том числе мальчиков. Видно было, что мальчишки стесняются своей наготы, которую видят незнакомые тети. Да и вид голых женщин их пугал. Ханна видела, что многие дети с трудом сдерживают слезы. Вот это было действительно неестественно и гадко. «Неужели они не могли повести мальчиков в душ отдельно? – думала она. – Так было бы по-человечески...»

Позади себя Ханна все еще слышала звуки оркестра – он продолжал играть там, на перроне. Внезапно она подумала об оставшемся там муже. Подумала с нежностью, с тоской. Как она была виновата перед ним! Она никогда по-настоящему не любила этого неказистого увальня. Вышла за него по расчету, из выгоды. А ведь он ее боготворил, почитал, как христиане почитают свою Мадонну; готов был пылинки с нее сдувать. Сейчас она нуждалась в нем, в его поддержке. На Якоба всегда можно было положиться, он никогда не подводил. Как бы хотела она сейчас чувствовать его рядом! Не Акселя с его любовным пылом, с его обольстительной улыбкой, а именно недотепу Якоба. Внезапно Ханна поняла, что все-таки любит своего мужа. Она дала себе слово отныне быть с ним нежнее, заботливей. «Когда мы снова увидимся, надо будет обязательно сказать ему что-то нежное», – подумала она.

Они подошли к низкому помещению «душевой». Вдоль стен «предбанника» стояли длинные лавки, возле них застыли два десятка мужчин, державших в руках машинки для стрижки волос.

– Сейчас вам всем постригут волосы, – объяснил немецкий офицер. – Это необходимо в целях борьбы с насекомыми, чтобы предотвратить распространение болезней. Всем нужно сесть на лавки лицом к стене, чтобы нашим парикмахерам было удобней работать. Быстрее, пошевеливайтесь!

И снова в этом очередном приказании была своя логика. Да, Ханна знала, что в местах массового скопления людей часто возникают болезни, которые распространяют вши, блохи и прочая нечисть. Логика, порядок... Значит, нужно было смириться и с этим новым унижением, с утратой волос – этой части тебя самой. Такой же важной части, как одежда.

Однако у нее еще оставались силы, чтобы держаться с достоинством и делать вид, что ничего особенного не происходит. Она села на лавку, вынула из волос удерживавшие их шпильки, тряхнула головой. Никаких зеркал на стенах барака не было, поэтому она не могла видеть человека с машинкой, который сзади подошел к ней и начал стричь ее волосы. Поворачивая голову по его приказу то вправо, то влево, она видела лишь его ноги в грубых лагерных брюках, и такие же грубые ботинки на ногах. Да, ее стриг заключенный – скорее всего, такой же еврей, как она сама. Впрочем, об этом можно было только догадываться: человек с машинкой молчал, за все время она услышала от него лишь несколько слов. И она знала, почему люди с машинками такие молчаливые: еще садясь на лавку, она заметила стоявшего у стены здорового полицая в черной форме, с кнутом в руке. Вид у кнута был очень злобный, и не было сомнений, что полицейский привык им пользоваться.

Краем глаза она видела, как рядом стригут волосы у других женщин и детей. Роскошные шиньоны, рыжие и черные локоны, седые пряди, детские косички и мальчишечьи вихры перемешивались на полу. И снова она видела ту же картину, что возле тележек во дворе: лагерные служащие сноровисто собирали волосы вместе, складывали их в мешки.

Ханна провела ладонью по своей стриженной голове. Недалеко было окно, в котором кое-что отражалось. Она присмотрелась, и увидела собственное отражение. Повернулась так, сядь. С улыбкой сказала, ни к кому не обращаясь:

– А мне так даже лучше. Вот не знала...

Процедура стрижки подошла к концу. Под низкими сводами барака разнесся голос немецкого офицера:

– Теперь вы можете идти в душ и после этого пройти в отведенное вам помещение. Не спешите, вы все успеете помыться.

Эти слова оказали на женщин прямо противоположное действие. Они поспешили к дверям «душевой» – они виднелись в дальней стене помещения. Спешили так, словно давно мечтали об этом лагерном душе. Или они боялись, что на всех воды не хватит?

Возле дверей сразу возникла толчея. Самые нетерпеливые женщины спешили попасть внутрь, отталкивая остальных. Ханна, разумеется, не спешила. Шла, сдавленная телами соседей. Это было неприятно, даже противно, но она надеялась, что сейчас все закончится – они войдут в душевую, каждая встанет под свою струю воды...

И вот она оказалась внутри. Да, помещение было похоже на душевую. Вдоль стен располагались краны, тут же стояли бочки с водой. Испуг, сжавший сердце Ханны, немного прошел, и она смело направилась в глубину помещения. Тут она заметила маленькое окошечко под самым потолком. Интересно, для чего оно здесь? И где мыло? Или им мыло не положено?

Видимо, и остальные задавались теми же вопросами. Внезапно дверь заскрежетала и плотно закрылась; слышно было, как снаружи лязгнули засовы. Их заперли! И тут вдруг Ханна почувствовала, что ей трудно дышать. Воздух здесь был какой-то другой. И запах... Чем это пахнет? Так пахло на узких улицах, если машины стояли в пробке...

Горло сдавило, она закашлялась. Дышать было так трудно! Тут она заметила клубы бурого дыма, которые расползались из углов помещения. Кашель раздавался со всех сторон.

Она увидела, как одна девочка осела на пол. Ее мать пыталась удержать ребенка, но не смогла, и тоже упала.

И тут она поняла! Это не душевая! Это газ! Наверно, он поступает откуда-то снизу. Это газовая камера! Их всех хотят отравить! Они все умрут!

Она закричала – непонятно, что, непонятно, кому. И все вокруг кричали. А некоторые уже не могли кричать – они падали на пол, одна за другой. Первыми потеряли сознание дети, теперь умирали женщины. Вот и Магда упала... Ханна, как видно, была крепче других – она еще держалась. Последним усилием она подняла глаза к единственному светлomu пятну в этой камере – к окошку. И увидела в нем лицо какого-то мужчины в очках. Он внимательно разглядывал все, что происходило в камере. Наверное, это был немец – кто же еще? Ханна хотела крикнуть ему последнее проклятие, но силы уже оставили ее. И она тоже свалилась на пол...

...Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер оторвался от смотрового окошка и повернулся к сопровождавшим его офицерам из охраны лагеря.

– Вижу, что ваша система работает без промедлений и сбоев, – сказал он, обращаясь к коменданту лагеря Францу Рейхлейтнеру. – И как потом происходит утилизация тел?

– В полу имеется люк, господин рейхсфюрер, – отвечал комендант. – Через него тела попадают на ленту конвейера, и по нему прямоком поступают в крематорий – вон туда, видите, трубы торчат? Как только печи загрузятся, их начнут сжигать.

– И сколько евреев ликвидируется за один раз?

– Камера вмещает 800 человек. Обычно с эшелоном прибывает как раз столько. Однако обершарфюрер Френцель отбирает несколько десятков для работ в первом лагере. Оставшиеся вполне помещаются в камеру. Во всяком случае, на тесноту пока что никто не жаловался...

Рейхсфюрер, как и окружавшие его офицеры, оценил шутку; раздался дружный смех.

– А откуда поступает газ? Ведь у вас, насколько я знаю, не используют газ из баллонов...

– Да, рейхсфюрер, мы обходимся более простыми средствами. Возле камеры установлены несколько старых танковых моторов. Они вырабатывают угарный газ, который поступает в камеру.

– Отлично, отлично, – заметил глава СС. – Что ж, пойдемте дальше...

Рейхсфюрер Гиммлер совершал инспекционную поездку по лагерям уничтожения, расположенным на территории генерал-губернаторства (так немцы называли оккупированную ими Польшу). Он уже побывал в Хелмно, Белжеце, Майданеке, Треблинке. А из Собибора собирался ехать в Аушвиц. В целом он был удовлетворен увиденным. Созданная под его руководством и при его непосредственном участии машина уничтожения евреев работала без сбоев. Уже свыше трех миллионов евреев из стран Европы были убиты и сожжены в печах нацистских лагерей. Их одежда, их вещи поступили в распоряжение различных служб рейха. И не только одежда! Целые тонны женских волос шли на изготовление матрацев. Сотни килограммов золотых зубных протезов, украшений, браслетов поступали в казну. И нигде не было особо сильного сопротивления! Исключением стали восстания в Варшавском, Минском, Белостокском и Вильнюсском гетто, а также деятельность нескольких партизанских отрядов, состоявших из евреев. Но в целом сопротивление было слабым, и это позволяло держать на охране лагерей минимум бойцов СС. Например, здесь, в Собиборе, где после прихода каждого эшелона уничтожалось свыше восьмисот евреев и еще 550 находилось постоянно (они были заняты на различных лагерных работах), служили не более тридцати офицеров СС. Конечно, им помогали охранники, так называемые вахманы. Но это были уже не немцы; это были бывшие военнопленные, согласившиеся сотрудничать с оккупантами. В условиях, когда русские наступали и фронту требовалось все новое и новое новое пополнение, сокращение охраны лагерей было важным направлением политики Гиммлера.

Держать привозимый для уничтожения «контингент» в повиновении помогали и различные ухищрения. О, тут была разработана целая система обмана! К ней относилась и « торже-

ственная встреча» на перроне – с оркестром и чуть ли не с цветами. И квитанции, выдаваемые вновь прибывшим, по которым они якобы могли получить свои вещи, тоже входили в систему обмана. И слова о «душе».

...Высокий гость прошел между бараками, вышел в лагерный сад. Позади шла свита – комендант лагеря Рейхлейтнер, его заместитель Нойман, комендант Первого лагеря Френцель, офицеры Вагнер, Бекман, Гринхаус. Дойдя до расцвеченных осенними красками деревьев, Гиммлер остановился. Он был человеком, чутким к красоте, и сейчас наслаждался красками осени, запахом осенних листьев, свежим ветром, дующим из леса... Заключенные, работавшие в саду, при появлении немцев вытянулись и замерли по стойке «смирно». Но Гиммлер их даже не заметил.

Неожиданно из лагерных труб повалил густой черный дым. И тут же на головы людей стал сыпаться черный пепел. Это было все, что осталось от голландского эшелона – такого чистого, такого комфортабельного. Все, что осталось от Магды, Ханны, еще четырех десятков женщин и трех десятков детей.

Стоять под падающим пеплом глава СС не захотел. Надел фуражку и двинулся дальше. Прошел через плац, мимо вахманов и нижних чинов. Подошел к ожидавшей его машине. Пожал руки офицерам; с особой сердечностью – коменданту. Потом сказал:

– Друзья! Соратники! Буду говорить с вами совершенно откровенно. Между собой мы будем говорить открыто, хотя никогда не сделаем этого публично. Я имею в виду вашу работу по ликвидации еврейского населения Европы. Лишь немногие из немцев знают, что это означает, когда перед тобой лежит груда трупов – сто, двести, тысяча трупов. Выдержать все это и сохранить порядочность – вот что закалило наш характер! Это славная страница нашей истории, которая, к сожалению, никогда не будет написана. Вы делаете очень нужную работу! И я преклоняюсь перед вами. Так держать!

И, уже садясь в машину, обернулся к подчиненным и произнес:

– Больше праздника в душе, партайгеноссен, больше настоящего праздника!

Рейхсфюрер искренне считал, что делает нужную работу. И все руководство гитлеровской Германии, так называемого Третьего рейха, считало, что они должны выполнить свою историческую миссию – окончательно «решить еврейский вопрос», то есть поголовно уничтожить все еврейское население Европы. Именно на это были нацелены решения, принятые в начале 1942 года на секретном совещании нацистской верхушки.

Глава 4

После того как всех мастеров – ювелиров, сапожников, портных – отделили от остальных, обещали им работу, Аксель был полон бодрости.

– Вот увидишь, мы здесь нормально устроимся! – говорил он Якобу. – В любом новом месте трудно приходится лишь в первые дни. Трудно привыкнуть к новым условиям, новым порядкам. Потом ты притрешься и увидишь, что и здесь есть свои привлекательные стороны.

Правда, барак, в который их привели, в котором им предстояло жить, не выглядел привлекательно. Никаких отдельных комнат, где можно было бы жить с женами (на что надеялся Аксель) – общее помещение, где вдоль стен шли деревянные топчаны. И капо с кнутами в руках выглядели зловеще. Порадовала только ювелирная мастерская, в которой им предстояло работать. Здесь было все, что требовалось для изготовления красивых ювелирных изделий: столы с хорошим освещением, инструменты. И было очень много золота – в основном почему-то зубных протезов. Но Якоб не успел подумать, откуда они взялись.

В этот первый день новичкам объяснили устройство лагеря и его порядки. Лагерь Собибор делился на три части (их тоже называли лагерями). Самой оживленной частью Собибора был Первый лагерь, которым руководил обершарфюрер Карл Френцель. Здесь располагались мастерские – столярная, портняжная, сапожная, ювелирная. И здесь же находились бараки, в которых жили заключенные. Во Втором лагере находился только один производственный отдел, зато самый массовый – сортировка. Все, снятое с убитых людей, поступало сюда, на огромные столы в сортировочном бараке. Все эти вещи надо было разобрать – одежду отдельно, обувь отдельно; отделить взрослое от детского, мужское от женского. И, наконец, выделить из общей груды вещей то, что представляло ценность для нацистов. Это была ответственная работа! Ее выполняли в основном женщины.

Самой страшной частью Собибора был так называемый Третий лагерь. Здесь находились газовые камеры и крематорий; здесь происходило уничтожение вновь прибывших. Отсюда летел на лагерь и окрестные леса черный пепел...

На следующий день новичков с утра повели на работу. Но не успели они дойти до мастерской, как со стороны лагерного сада послышались крики, а затем и выстрелы. Колонну мастеров остановили и вернули назад в барак. А спустя час вывели на плац.

Здесь уже собрался весь лагерь – как заключенные, так и надзиратели. Здесь Аксель и Якоб и узнали о том, что случилось утром. Оказалось, что группа заключенных, работавших в саду, воспользовалась тем, что часовые сквозь листву не всегда их видели. Трое узников смогли перерезать колючую проволоку, и вся группа бросилась бежать. Правда, убежали они недалеко. Часовые с вышек открыли огонь из пулеметов. А те, кто смог убежать от пулеметов и проник за второй и третий ряды проволоки, попали на минное поле. Все они подорвались на минах.

Побег не был никак подготовлен – решение о нем возникло внезапно. Если бы заключенные готовились заранее, они бы постарались узнать о том, как лагерь охраняется. Они бы узнали, что, кроме четырех рядов колючей проволоки, кроме часовых на вышках, существует еще одна угроза – мины. Они были густо заложены между третьим и четвертым рядами проволоки. Пространство за пределами лагеря, до самого леса, тоже было заминировано, правда, не так густо. А между вторым и третьим рядами проволоки ночами ходили патрули. Опушка леса по периметру лагеря была вырублена; получилась открытая полоса шириной около ста метров. Все это пространство было пристреляно из пулеметов, которые стояли на вышках. У тех, кто бежал днем, не было никаких шансов добраться до спасительного леса. А ночью охранникам приходили на помощь прожектора.

Беглецам надо было подумать и о том, что они будут делать, если убегут за пределы лагеря. Куда идти? В деревню? Нет, надеяться на помощь местного населения не стоило – и

польские, и украинские крестьяне, как правило, выдавали евреев немцам. Это была одна из причин, почему из немецких лагерей уничтожения, в которых содержались в основном евреи, за годы войны было так мало успешных побегов.

Людям, задумавшим уйти из лагеря уничтожения, нужно было составить такой план, который предусматривал бы путь до крупной лесной чащи, где можно было бы создать партизанскую базу. Или надо было добираться до какого-либо города – там польские патриоты из Армии Крайовой сотрудничали с евреями. Но не все, далеко не все. Некоторые из офицеров АК упорно отказывались хоть как-то помогать евреям, если даже те хотели сражаться с немцами. Так что правильнее было уходить на восток и пытаться добраться до Красной армии. Но она была еще далеко, очень далеко...

Нет, никаких подобных планов у двенадцати человек, бежавших в тот день из Собибора, не было. Их побег был просто актом отчаяния...

...Спустя час на плацу были выложены двенадцать трупов – все те, кто пытался совершить побег. Заместитель начальника лагеря Нойман вышел вперед и обратился к узникам:

– Убежать из нашего лагеря невозможно. Невозможно! Вас предупреждали об этом, господа евреи. Пусть каждый знает: беглецы неминуемо погибнут, а невинные поплатятся своей жизнью за их неповиновение. Так было и так будет всегда! Так что внимательно следите друг за другом и сообщайте своим еврейским капо обо всем подозрительном, господа евреи. А сейчас в наказание за попытку побега будет расстрелян каждый десятый из вас. Это обидно, но справедливо.

И тут же офицеры в сопровождении автоматчиков двинулись вдоль строя, выхватывая каждого десятого. Да, это были мастеровые люди, отличные специалисты. Но немцы не дорожили своими рабами. Они все еще были уверены, что смогут захватить новых рабов, что на их век хватит ювелиров, сапожников и портных...

Выбранных заключенных отводили в сторону и тут же расстреливали. Стреляли в затылок. Подкатила телега, в которую вместо лошадей были запряжены узники. Лошадей в лагере почти не держали – зачем, если есть заключенные? Убитых стали грузить на телегу.

В той шеренге, где рядом стояли ювелиры Аксель и Якоб, жертв выбирал комендант Первого лагеря Френцель. До самого конца шеренги доносился его счет:

– Первый, второй... восьмой, девятый... десятый!

И эсэсовцы выхватывали очередную жертву и волокли ее в сторону.

Якоб прижался к другу:

– Я с тобой, Аксель, ты везучий...

Аксель ничего не ответил – он следил за счетом. Вот комендант выдернул из строя очередную жертву – близко, совсем близко от них. Но недостаточно близко, чтобы не тревожиться, чтобы ты стал шестым или седьмым. Неужели?.. Сердце Акселя сжалось от страшного предчувствия...

– Шестой, седьмой, восьмой... – отсчитывал Френцель.

Перед девятым он остановился и, улыбаясь, погрозил ему пальцем. Этот девятый был человек в гимнастерке советского солдата, с суровым, волевым лицом.

– Тебе повезло! – сказал ему эсэсовец, повернулся к стоявшему рядом Акселю и провозгласил:

– Десятый!

Аксель мотал головой – он не мог, не мог поверить в случившееся! Неужели это все? Неужели судьба от него отвернулась? Его удивление было так велико, так искренне, что Френцель рассмеялся. Все так же смеясь, он выдернул «счастливчика Акселя» из строя и стал считать дальше:

– Первый, второй, третий...

Якоб стоял, все еще не веря в случившееся. Он жив! Он жив, а его друг и компаньон Аксель – вон там, у стены! И вот уже слышен выстрел, и вот тело Акселя грузят на телегу... Как же так? Как это могло случиться?

Когда экзекуция была закончена, заключенных развели на работы. Человека в солдатской гимнастерке, стоявшего в строю перед Акселем и чудом избежавшего смерти, отвели в столярную мастерскую. Капо, руководивший работой мастерской, дал заключенному задание – делать сервант для господина коменданта лагеря, выдал инструменты. Однако, как только капо ушел, человек в гимнастерке отложил рубанок в сторону и подошел к одному из старожил лагеря. Он заметил этого человека еще раньше, на построении. Заметил, с каким уважением смотрели на него другие заключенные. И сделал вывод, что этот лагерный старожил – тот, кто ему нужен.

– Надо поговорить, – тихо сказал военнопленный по-русски. – Как тебя звать?

– Лео, – ответил старожил, внимательно глядя на новичка.

– А меня Александр. Александр Печерский. Давай отойдем вон туда, в угол, где нас никто не услышит.

– А о чем будем говорить?

– Там все скажу.

– Кажется, это будет интересный разговор. Тогда я приглашу друзей.

Лео сделал знак другим заключенным, и еще трое работников мастерской присоединились к нему. Александр удовлетворенно кивнул – на это он и надеялся.

Когда они отошли в угол и другие не могли их слышать, Печерский заговорил:

– Я хочу рассказать вам о себе. Скажу все, ничего не утаю. Откуда я, чем занимался, что успел пережить, как сюда попал. Для чего такой подробный рассказ? Думаю, вы поймете.

И Александр начал рассказывать...

Глава 5

Он родился в 1909 году в Полтавской губернии, в городе Кременчуг. Спустя шесть лет родители вместе с маленьким Сашей переехали в Ростов-на-Дону, столицу Войска Донского. А еще спустя два года началась революция. Надо ли говорить, что родители Саши Печерского, как и миллионы других евреев, встретили ее с одобрением и надеждой? Ведь старая Россия, Россия царей и дворян, ставила перед евреями множество преград. Молодым людям из еврейских семей трудно было получить хорошее образование, специальность, право жить в больших городах. Черта оседлости обрекала молодежь на прозябание в местечках, отделяла от большой жизни. Поэтому большинство евреев приветствовали Октябрьский переворот. Они охотно вступали в Красную армию, становились командирами, комиссарами. Не щадя своей жизни, они сражались с защитниками старой, имперской России – с теми, кто примкнул к генералам Краснову и Деникину.

В итоге власть большевиков устояла, пришла на Дон, на весь юг России. И вся дальнейшая жизнь Саши Печерского протекала уже в стране, получившей название СССР. И Саша целиком и полностью принял идею строительства социализма и включился в это строительство. Он закончил семилетнюю школу, а попутно и другую школу – музыкальную. Еще учась в школе, начал участвовать в самодеятельности. А после школы это стало его профессией – он руководил кружками в рабочих клубах. В свой срок отслужил в армии, закончил там командирские курсы. Женился, в 1934 году у него родилась дочь.

И вот началась война... В первый же день войны, 22 июня, Печерский, как младший командир, был призван в Красную армию. Участвовал в обороне Смоленска, отступал вместе с армией к Москве. В сентябре, уже на фронте, был аттестован как техник-интендант второго ранга, служил в штабе батальона, затем в штабе полка.

Служить в штабе – не то же самое, что воевать в пехоте. Штабные редко попадают в серьезные переделки. Но, видимо, судьба готовила Александру испытания более суровые, чем выпадали на долю обычного делопроизводителя. Испытания ему выпали не по должности, а по характеру. А характер, как вскоре выяснилось, позволял ему решать задачи более сложные, чем заниматься бумажками и подсчитывать солдатские кальсоны и шинели.

...В начале октября 1941 года немцы прорвали советскую оборону под Вязьмой. 596-й полк 19-й армии, в котором служил Печерский, с боями пробивался из окружения. Комиссар полка Михаил Тишков был тяжело ранен. Политрук четвертого дивизиона Федор Пушкин получил приказ вынести раненого командира из окружения. Он взял с собой восемь бойцов и офицеров, среди которых был и Печерский.

Несколько раз маленькая группа пыталась проложить себе дорогу огнем, но успеха не добилась. Патроны кончились. Осколками мины были убиты комиссар Тишков и один из бойцов. Товарищи похоронили их, положив на могилы две солдатские каски.

Произошло еще несколько столкновений с врагом. Группа отстреливалась теми немногими патронами, что удавалось найти в окопах. И хотя бойцов мучил голод, эти найденные патроны казались им дороже хлеба.

И вот, ослабевшие, расстрелявшие последние боеприпасы, они попали во вражескую засаду. Произошло самое страшное, о чем никому не хотелось и думать, – они попали в плен.

Но это было лишь первое испытание, которое судьба приготовила для Александра. Его ждало еще одно, более суровое. В плену он заболел сыпным тифом. Это был практически приговор – больных тифом немцы обычно убивали. Однако Александр сумел скрыть свою болезнь и каким-то чудом остался в живых. И вот, едва встав на ноги, лейтенант Печерский вместе с четырьмя другими пленными совершил побег. Свой первый побег...

Однако побег был плохо подготовлен, и беглецов поймали. Их отправили в штрафную команду в город Борисов, а оттуда в Минск.

Печерского привезли в Минск в конце лета 1942 года. И с первого дня он начал думать о новом побеге. Ведь за то время, пока они пробивались из окружения, Александр понял про себя одну вещь: его место совсем не в штабе. Он создан, чтобы воевать. И он может воевать хорошо! Пока они выходили из окружения, он как-то сам, без всяких наставников, понял, как организовать разведку, когда надо принять бой, а когда лучше отступить. За эти тяжелые недели он стал солдатом. И теперь хотел как можно скорее вырваться из лагеря и снова воевать, применять на деле то умение, которое приобрел за время боев в окружении.

Лагерь, в который привезли пленных, располагался в лесу. Охранялся он кое-как, так что бежать было можно. И Печерский решил, что в ближайшие дни пустится в бег. Однако случилось иначе...

На следующий день заключенных построили и произвели медицинский осмотр. Александр не сразу понял, что искали нацисты, но потом стало ясно – они искали евреев. И нашли девятых. В том числе Печерского...

Их сразу отделили от остальных военнопленных и повели в другую часть лагеря. Здесь все было гораздо страшнее. Сразу, как только привели, пленных начали бить. Избивал их здоровенный полицай. Он погнал вновь прибывших к глубокому подвалу и велел спускаться. Спускаясь, Александр насчитал 24 ступеньки лестницы. Очень глубоко! А сверху, в качестве напутствия, доносились слова полицая:

– Отсюда лишь одна дорога – на тот свет! Это прихожая преисподней. В настоящий ад вы попадете попозже. Другого пути из этого погреба нет!

После чего захлопнул крышку и запер ее.

В подвале царил крошечная тьма. Спустившись вниз, Александр нащупал головы, плечи, спины сидящих и лежащих там людей. Что это за люди, сколько их – понять было невозможно. Но было ясно, что людей много, подвал был забит до отказа. Кто-то из узников нашел доски и подстелил их под себя, остальные сидели и лежали на сырой земле. Слышалось тяжелое дыхание, кашель, стоны...

Печерский на ощупь пробрался к стене, отыскал пяточок и присел. И потекли часы, похожие один на другой; часы, которые было невозможно сосчитать. Тут быстро утрачивался счет дням.

Но вот сосед справа от Александра пошевелился и произнес:

– Что же дальше с нами будет?

– Ты разве не слышал, что сказал полицай? – отозвался Печерский. – Это дорога в ад...

– Как тебя звать? – поинтересовался сосед.

Этот был хороший признак, этот его вопрос. Признак того, что человек не впал в окончательное оцепенение, что сохраняет интерес к окружающему.

– Саша, – ответил Печерский.

– Откуда ты?

– Из Ростова.

– А я из Донбасса, – сообщил сосед. – Зовут меня Борис Цыбульский.

– Ну, вот мы и познакомились, – заключил Печерский. – Где там твоя рука? Давай сюда.

Их руки встретились в рукопожатии. Рука у Бориса оказалась здоровенная и очень крепкая. Такими руками можно замки ломать!

Спустя некоторое время Борис сказал:

– Давай, Саша, спать, что ли. Разве от мыслей польза будет?

– Я уже пытался уснуть – не получается, – пожаловался Печерский.

– А ты представь, что летишь между облаками, – посоветовал Борис.

Печерский услышал, как новый знакомый перевернулся на другой бок и через минуту засопел во сне. «Крепкие у него нервы, однако!» – с уважением подумал Александр о своем соседе. Самому ему не спалось...

Раз в день открывалась крышка подвала. Полицаи спускали вниз котел с баландой и пайку хлеба – сто граммов на каждого. А наверх подавали отхожее ведро и еще... трупы. Каждый день умирали несколько человек. А полицаи сверху кричали:

– Долго еще ждать, пока вы все сдохнете? Вы нам уже надоели! Жаль, не дают приказа вас расстрелять. Может, хватит вам мучиться? Давайте, давите друг друга!

Александр услышал, как его сосед пробурчал:

– Этого вы не дождетесь, гады!

По этим диалогам с охранниками заключенные вели счет времени. Люк открыли – значит, еще один день прошел...

На второй день Печерский спросил соседа:

– Борис, ты как, спишь?

– Нет.

– Давай разговаривать. И вы, товарищи, присоединяйтесь, – обратился Александр к другим людям, невидимым в темноте. – Пусть каждый расскажет что-нибудь о себе. Историю какую-нибудь, байку. Можно и анекдоты травить.

Борис поддержал его:

– Ребята, вы чего носы повесили? Еще не вечер! А чем журиться, лучше языки почесать. А если кто завираться начнет, тоже не страшно – в темноте не видать...

– Вот, тоже придумал! – ворчливо отозвался кто-то. – На душе и так тошно, а тут еще и ты со своими разговорами. Вот сейчас откроется дверь – и всех нас к стенке...

– А ты, братишка, не думай об этом, – сказал Александр. – Возьми хоть меня, к примеру...

И он, не дожидаясь приглашения, начал рассказывать историю о том, как однажды чуть не утонул. И тут же еще два случая – как однажды чуть не сгорел во время пожара, а в другой раз выпал из окна третьего этажа.

– И, как видите, остался жив, – закончил Печерский свой рассказ.

Люди вокруг оживились. Последовали рассказы обо всяких необычайных случаях, затем последовали анекдоты.

Так прошло десять дней. На десятый день крышка подвала открылась в неурочное время.

– Чего развалились? – послышался голос полица. – А ну, выходи! Быстрее, быстрее!

Тут же неподалеку стояли и немцы, заключенные слышали их понукания:

– Schnell, schnell!

Заключенные стали подниматься с пола. Многие были испуганы, другие, в том числе и Печерский, были рады этой перемене. Так надоело сидеть в земляной яме!

Некоторые заключенные так ослабели, что не могли подняться по крутой лестнице. Печерский помогал таким подниматься. То же самое делал и его сосед, Борис Цыбульский. Только теперь Александр смог его разглядеть. Борис был рослый, широкоплечий, с грубоватыми чертами лица. Из его рассказов Александр уже знал, что его новый товарищ работал возчиком, мясником, шахтером. Впрочем, его грубоватость была напускной, за ней скрывалась душевная теплота. Когда Александр лучше узнал Бориса, он понял, что он всегда готов прийти на помощь другим.

И вот они вышли из подвала! Свет дня ослепил их, грудь с наслаждением вдохнула свежий воздух. Неподалеку заключенные увидели грузовик, стоящих рядом двух немецких офицеров и десятков охранников.

– Значит, нас пока не расстреляют, – тихо сказал Печерский на ухо Борису. – Слышал, что полицаи говорили? Они отвезут нас в трудовой лагерь. Может, в пути удастся напасть на охрану и бежать?

– Нет, Саша, бежать нам пока нельзя, – здоровяк покачал головой. – Мы ослабели в этом подвале и далеко не убежим.

Да, он был прав. И Александр решил немного потерпеть.

Заключенные влезли в кузов и сели вдоль бортов. Вслед за ними влезли охранники. Поехали через центр Минска. По дороге Александр смог разглядеть, что стало с городом. Минск был разрушен. По развалинам бродили сгорбленные люди, что-то искали среди обломков.

Заключенных привезли в лагерь на улице Широкой. По дороге эсэсовцы расстреляли пять человек, которые стали отставать. В лагере первым делом вновь прибывшие должны были пройти регистрацию в канцелярии. Регистрацию вела молодая красивая женщина. Впереди Печерского стоял парень, который говорил с кавказским акцентом. Когда подошла его очередь, и надо было назвать имя, парень сказал:

– Александр Шубаев, из Дагестана.

– Кто вы по профессии? – спросила регистраторша.

– Я транспортный инженер, – отвечал парень.

Тогда женщина понизила голос, чтобы их не слышали немцы, и почти шепотом сказала:

– Лучше запишитесь разнорабочим.

Инженер молча кивнул. Печерский понял смысл этого диалога. Очевидно, немцам не нужны были инженеры и вообще специалисты, им нужна была простая рабочая сила. Людям с профессиями инженера, врача, учителя, а тем более дирижера или режиссера грозило быстрое уничтожение. И регистраторша, дав парню совет записаться разнорабочим, тем самым спасла ему жизнь.

Поэтому, когда подошла его очередь, Александр записался столяром – хотя до этого никогда в жизни не держал в руках рубанка...

...Печерский собирался рассказать еще многое, но тут один из евреев – друзей Лео – перебил его. И стал что-то говорить ему, сердито и зло. Александр не мог его понять – тот говорил на незнакомом ему языке. В разговор вступили и остальные двое – и их тоже он не понимал. При этом эти трое все сильнее возбуждались; они уже чуть ли не с кулаками лезли на Печерского. Но тут Лео поднял руку, и все трое сразу замолчали.

– Похоже, ты не знаешь идиш? – спросил Лео по-русски.

– Похоже, ты тут главный, вот что я знаю, – парировал Печерский.

– Зачем ты нам все это рассказываешь?

– Чтобы ты мог на меня рассчитывать, – объяснил Александр. – Да, я говорю вам вещи, которые никому не рассказывал. Но если мы с вами задумаем важное дело, мы должны друг другу доверять.

И тут один из друзей Лео, которого звали Шмуэль, обнаружил знание русского.

– Мы мирные люди, мастеровые, – заявил он. – Мы живы потому, что соблюдаем все правила лагеря. А ты – провокатор!

– А если мы на тебя донесем? – спросил еще один из троих, Янек.

Однако Печерский покачал головой:

– Не донесете. Я вам нужен.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Лео задержал его:

– Почему тебя не расстреляли в Минске? Братья думают, что ты не еврей...

Александр не знал, что ответить на первый вопрос. Почему не расстреляли? Ведь он пытался совершить побег – об этом он как раз собирался рассказать Лео и его друзьям. Решения нацистов подчас было трудно объяснить. Возможно, в тот момент, летом 1943-го, было

решено, что нужно сохранять пленных как рабочую силу. Может, сработало какое-то другое соображение. Он не собирался оправдываться; он и так сказал им слишком много! Разве должен был он рассказывать этим незнакомым людям все, что он пережил с октября 1941 года, с того дня, когда попал в плен? Вряд ли этот рассказ мог их в чем-то убедить. И тем более он не знал, как ответить на второе обвинение. Впрочем, одно доказательство его еврейского происхождения существовало. И его он мог предъявить в любой момент, раз уж им так хочется...

Александр расстегнул ширинку и вытащил это свое последнее доказательство:

– Смотрите, радуйтесь! Я такой же обрезанный, как и вы. Такой же еврей – но только не раб, как вы!

Трое евреев, уже начавших читать кадиш – поминальную молитву по погибшим утром товарищам – были шокированы. А Александр, не обращая больше на них внимания, быстро вышел из столярной мастерской.

Глава 6

Для специалистов в Собиборе действовал не такой строгий распорядок, как для тех, кто был предназначен к немедленному уничтожению. В частности, рабочие могли выйти из мастерских покурить. Этим и воспользовался Печерский. Выйдя из мастерской, он обогнул жилой барак и сел на досках в глухом углу, куда редко заглядывали надзиратели. Надо было обдумать случившееся. Итак, эти люди, которых он приметил за первый день, которые, как видно, составляли подпольную группу этого лагеря, ему не поверили. Даже не захотели выслушать весь его рассказ до конца! И что теперь делать? Можно ли организовать побег без их помощи? Причем это должен быть успешный побег, немцы не должны их поймать. У него уже был опыт неудачного побега, нельзя было его повторять.

Может, надо снова собрать группу Лео и рассказать им свою историю дальше? Или только одному Лео – кажется, он умнее и храбрее остальных. Ведь ему, Александру, есть что рассказать. Например, он кое-что знает о лагерных капо и других людях, которые помогают гитлеровцам. Далеко не все эти люди являются предателями. И это может сильно помочь при побеге. Ведь вот как было в Минском лагере...

Когда в 1941 году немцы организовали этот лагерь, им понадобился человек, умеющий вести документацию и печатать на машинке на немецком и на русском языках. Они стали искать такого человека. Об этом узнало минское подполье. И руководство подполья решило направить на работу в лагерь Софью Курляндскую. Это и была та молодая женщина, которую Печерский увидел в канцелярии. Через нее подпольщики узнавали обо всем, что происходило в лагере.

Софья Курляндская принимала активное участие в подготовке побегов. Осенью 1942 года по заданию подпольного комитета она обеспечила нужными документами и переправила к партизанам две группы заключенных. Они вошли в отряд имени Фрунзе, входивший в состав Барановичского партизанского соединения.

В декабре в лагере появился еще один человек из подполья, он занял должность капо. Звали его Блятман. И перед самым Новым годом он вместе с Софьей организовал бегство из лагеря коммуниста Голанда, который содержался в камере смертников. В лагерных списках появилась отметка о смерти Голанда, а сам он оказался среди партизан.

В дальнейшем Софья Курляндская и Блятман отработали эту методику. Люди, намеченные к побегу, вначале отправлялись в лагерную больницу. Там им ставили «смертельный» диагноз, а спустя короткое время врач выписывал свидетельство о смерти заключенного. После этого его тихо переправляли в лес.

Начальником минского лагеря был эсэсовец Лёкке. У начальства этот нацист был на хорошем счету – ведь он руководил самой первой акцией по массовому уничтожению евреев в Белоруссии, состоявшейся 7 ноября 1941 года. А у Лёкке на хорошем счету был подручный из числа заключенных по фамилии Кастельянц. И нацисту было невдомек, что Кастельянц тоже является человеком подполья! Гитлеровцы настолько ему доверяли, что разрешали выезжать в близлежащие села для закупки продуктов.

Курляндская и Блятман решили воспользоваться этой возможностью. С помощью Кастельянца из лагеря было вывезено немало беглецов. Разумеется, такую смелую деятельность нельзя было долго держать в тайне. Поэтому вскоре Кастельянц и сам ушел к партизанам. Он добрался до партизанской бригады имени Чкалова и спустя несколько месяцев героически погиб в бою с немцами.

С помощью 17-летней партизанской связной Тани Бойко (подпольная кличка Наташа) Софье удалось организовать бегство из лагеря Семена Ганзенко. Он стал командиром партизанского отряда имени Буденного, а потом бригады «25 лет Советской Белоруссии». Вот какие

кадры ковались в минском лагере под носом у гитлеровцев! Может, надо было в первую очередь об этом рассказать старожилам Собибора – Лео и его товарищам? Но как можно называть имена подпольщиков людям, в которых ты не уверен? Это значит обречь Софью Курляндскую на верную гибель!

Так ничего и не решив, Печерский вернулся в мастерскую. Вскоре рабочий день закончился, и он направился в жилой барак. Здесь его ждали друзья – те, с кем он приехал в Собибор из Минска. Их было четверо. Все они были военнопленные, как и он сам, и все евреи; потому и попали в Собибор. Один – горский еврей Александр Шубаев – тот самый транспортный инженер, которому Софья посоветовала записаться разнорабочим. Александр дал себе прозвище Калимали, и многие его только так и называли. Его принимали за дикого горца, не подозревая, что перед ними – человек с высшим образованием. Второй – сосед Печерского по минскому подвалу, биндюжник Борис Цыбульский, добродушный могучий великан. Еще были Семен Розенфельд и Аркадий Вайспапир. И был еще Шлейме Лейтман – не военный, мирный человек, и не из СССР, а из Польши. Среди друзей Лейтман был самым опытным, и Печерский всегда прислушивался к его советам.

Увидев ожидавших его друзей, Печерский сделал им знак, и все они по очереди вышли из барака. Оставался еще час до отбоя, и можно было собраться в укромном уголке и поговорить. Такой уголок они нашли за дровяным складом. Здесь лежала куча досок, на которых было удобно сидеть. Друзья уселись на доски, и Цыбульский тут же нетерпеливо спросил:

– Ну, как? Поговорил с местными заговорщиками? Ты угадал и они правда замышляют побег?

– У них тут, конечно, подполье, как я и говорил, – сообщил друзьям Печерский. – Но подпольщики они так себе. Поджилки у всех трясутся.

– Я же говорил! – откликнулся Лейтман. – Местечковые ни на что не годятся.

Сам он был не местечковый и не жил в еврейской среде с ее специфическими обычаями. Он был коммунист, рабочий из Варшавы и больше общался с поляками, чем с евреями.

– Труссы! – поддержал его Шубаев-Калимали. – Идут, как бараны на бойню.

– Слабаки! – откликнулся Цыбульский. – А мы уйдем без них! Вот так охрану свернем...

И он обхватил щуплого Лейтмана, показывая, как он свернет шею охране.

– Одной рукой шею сверну!

Однако Лейтман не разделял его энтузиазма. Освободился из объятий здоровяка, сердито буркнул:

– А тебя с вышки пулеметом!

Семен Розенфельд заметил:

– Даже если они согласятся с нами сотрудничать, они всегда будут думать только о том, как тебя использовать. Постараются с нашей помощью вырваться из лагеря, а потом бросят. Они тут все знают, могут найти убежище в любую минуту.

Его поддержал Аркадий Вайспапир:

– Да, товарищи они ненадежные. И это еще если согласятся.

Теперь все высказались и смотрели на Печерского в ожидании – что скажет он? Лейтман выразил общую мысль, когда спросил:

– Что ты решил, Саша?

Александр оглядел друзей, сказал:

– Да, мы силачи. Мы намного сильнее их. А без этих слабаков – нам никуда. Семен прав – мы тут всего два дня, а они здесь уже все знают – и в лагере, и вокруг него. Так что это не они нас, а мы их используем.

Остальные молча кивнули. Они доверяли своему командиру. Главным фактором была их решимость – бежать во что бы то ни стало. Они не собирались ждать, когда эсэсовцы решат их судьбу и поведут в газовую камеру. И они, в отличие от своих более робких товари-

щей, не строили иллюзий, что, дескать, «хорошие специалисты немцам всегда пригодятся». Они уже поняли, что нацисты стремятся уничтожить всех евреев поголовно. Правда, им не была известна в деталях нацистская доктрина уничтожения «расово неполноценных» народов и групп населения. Они не знали, что их приравняли к цыганам или к безнадежно больным людям. Но одно они знали твердо – что рассчитывать могут только на себя.

И после обеда им, словно нарочно, напомнили, что их ждет. Прибыл новый состав откуда-то из Западной Европы. Снова играл оркестр, снова комендант торжественно встречал «гостей» на вокзале. А спустя полчаса толпу голых людей уже загоняли в «душевую». Печерский и его товарищи наблюдали за этой сценой из сада, куда их привели работать. Отсюда было хорошо видно, как прибывшие заходят в «душевую». Спустя несколько минут оттуда донеслись крики детей и взрослых. Но их заглушал гогот гусей, которых как раз в это время выгнали во двор.

– Нарочно гусей выгоняют, чтобы крики заглушить, – сообщил Лейтман. – Мне земляк сказал, он на кухне работает.

– Все продумали, дьяволы! – зло сказал Калимали. – Орднунг!

– Орднунг-то орднунг, а наблюдение сейчас ослаблено... – заметил Лейтман и выразительно посмотрел на Печерского – что он скажет?

А поскольку руководитель пока молчал, Цыбульский добавил:

– До леса здесь двести метров. Немцы заняты. Охрану у ограды уложим топорами...

– Саша, ты что, не хочешь? – наседал Лейтман. – Думаешь об остальных? А они о нас думают? Сложили ручки: «Вот ваша квитанция, пан...» Тьфу!

Цыбульский снова заговорил:

– Дело к зиме. Зимой следы на снегу остаются, и вообще зимой труднее в лесу. Надо сейчас!

И они снова в ожидании смотрели на своего командира. Тогда он наконец открыл рот и сказал:

– Если вы мне доверяете – ждите и молчите. Придет время – все скажу.

Печерский понимал нетерпение, владевшее товарищами. Но в то же время помнил, что произошло накануне с людьми, пытавшимися бежать из лагерного сада. Да, они могли бежать в любой момент – но что толку? Они погибнут, не успев даже глотнуть желанной свободы. С таким же успехом можно кинуться на эсэсовцев в самом лагере. Может, кого-то из них и удастся убить. Но остаться в живых – точно не получится. Чтобы побег был успешным, к нему надо готовиться...

Глава 7

На следующий день на станцию пришел не комфортабельный пассажирский поезд, а товарный состав из северной Польши. Оттого и встречали его совсем по-другому. Не было ни оркестра, ни квитанций на сданные вещи. Когда открыли двери, капо и вахманы кнутами стали выгонять из вагонов грязных, обессиленных, измученных жаждой людей. Особо усердствовали толстый капо Берлинер и великан Отто. Но и офицеры-эсэсовцы не отставали. Вагнер и Нойман с пистолетами в руках ходили из вагона в вагон и добивали выстрелами тех, кто уже не мог встать. А один из офицеров, белокурый красавец Зигфрид Гринхаус, в элегантном мундире и зеркально начищенных сапогах, развлекался – наугад, не целясь, стрелял по толпе евреев. От него с ужасом шарахались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.